

© 2024 г. Д.Р. ЖАНТИЕВ

ЗАВОЕВАНИЕ СИРИИ МУХАММАДОМ АЛИ-ПАШОЙ В 1831–1832 годах И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКО-ОСМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Жантеев Дмитрий Рустемович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: zhantiev@iaas.msu.ru

Scopus Author ID: 55587549800; ORCID: 0000-0003-4243-6120; Researcher ID: F-7437-2012

Аннотация. Одним из важнейших событий Первого египетского кризиса (1831–1833) стало завоевание сирийских провинций Османской империи войсками мятежного наместника Египта Мухаммада Али-паши. В ходе военной кампании, в феврале 1833 г., император Николай I отправил контингент русских войск для оказания помощи Высокой Порте в защите Константинополя. Целью настоящего исследования является анализ влияния конфликта между османскими властями и Мухаммадом Али-пашой на российско-турецкие отношения в 1830-е годы. Изучение данной проблематики представляет особую актуальность, так как позволяет выявить степень заинтересованности Санкт-Петербурга в сохранении баланса сил в Восточном Средиземноморье в данный период. В задачи автора входит рассмотрение стратегий Мухаммада Али-паши, Высокой Порты и российского правительства в отношении османской Сирии, имевшей ключевое стратегическое значение для противоборствующих сторон конфликта в ходе его развития. Проведенный в рамках настоящего исследования анализ архивных документов и воспоминаний отечественных дипломатов позволяет утверждать, что, в отличие от доминировавшего в историографии взгляда, согласно которому российское вмешательство в конфликт было вызвано прямой угрозой захвата османской столицы войсками Мухаммада Али-паши в декабре 1832 г., а планы Санкт-Петербурга ограничивались защитой азиатского берега Босфора, принципиально важную роль в развитии событий сыграло именно установление египетскими войсками контроля над Сирией весной и летом 1832 г. На основании изучения этих источников автор показывает принципиальную важность Сирии для реализации замысла Мухаммада Али-паши по созданию собственной фактически независимой державы, а также раскрывает планы российского командования по ведению боевых действий против войск мятежного египетского наместника. Прямое военно-дипломатическое вмешательство России в конфликт между Высокой Портой и Мухаммадом Али-пашой в 1833 г. разрушило его планы и позволило османскому правительству получить крайне необходимое время для восстановления боевого потенциала армии. Однако союзнические отношения между Санкт-Петербургом и Стамбулом не получили дальнейшего развития из-за противодействия со стороны Великобритании, Франции и Австрии.

Ключевые слова: дипломатия, Мухаммад Али-паша, Махмуд II, Николай I, Египет, Сирия, Османская империя, Россия, внешняя политика.

D.R. Zhantiev**The Conquest of Syria by Muhammad Ali Pasha in 1831–1832 and Its Influence on Russian-Ottoman Relations***Zhantiev Dmitry, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).**E-mail: zhantiev@iaas.msu.ru**Scopus Author ID: 55587549800; ORCID: 0000-0003-4243-6120; Researcher ID: F-7437-2012*

Abstract. In the article, the author focuses on one of the most pivotal events of the First Egyptian Crisis (1831–1833), namely the conquest of the Syrian provinces of the Ottoman Empire by the troops of the rebel governor of Egypt, Muhammad Ali Pasha. Additionally, he elucidates the rationale behind the Russian Emperor Nicholas I's decision to dispatch a contingent of Russian troops in 1833 to assist the Ottoman government in its efforts to safeguard its capital. The aim of this article is to analyse the strategies employed by Muhammad Ali Pasha, the Sublime Porte, and the Russian Empire with regard to Ottoman Syria, a region of key strategic importance during the development of the crisis. The present study demonstrates that the deployment of Egyptian troops to Syria in the spring and summer of 1832 was the pivotal factor in the subsequent course of events. This challenges the dominant view in historiography, which posits that the Russian intervention in the conflict was precipitated by a direct threat of capture of the Ottoman capital by Muhammad Ali Pasha's troops in December 1832, and that St Petersburg's plans were limited to the defence of the Asian shore of the Bosphorus. This article, which draws on archival documents and recollections of participants in the events, demonstrates the pivotal role played by Syria in the realisation of Muhammad Ali Pasha's objective to establish a virtually independent power base. It also elucidates the strategic countermeasures devised by the Russian command with the intention of conducting military operations against the troops of Muhammad Ali in Asia Minor and Syria. Russia's direct military and diplomatic intervention in the conflict between the Sublime Porte and Muhammad Ali Pasha in 1833 had a significant impact, effectively thwarting the Egyptian governor's plans and providing the Ottoman government with the necessary time to restore the combat potential of its army. However, the alliance established between Russia and the Ottoman Empire at that time did not progress further due to opposition from Great Britain, France, and Austria.

Keywords: diplomacy, Muhammad Ali Pasha, Mahmud II, Nicholas I, Egypt, Syria, Ottoman Empire, Russia, foreign policy.

Экспансионистская политика османского наместника (вали) и фактического правителя Египта Мухаммеда Али-паши (ок. 1769–1849), которую он начал осуществлять в ходе успешной войны с государством Саудитов, инициированной им в 1811 г. по велению султана Махмуда II (1808–1839), два десятилетия спустя, в 1831 г., привела к открытому конфликту с Высокой Портой. Стремясь достичь большей политической самостоятельности, Мухаммад Али-паша добивался от официального Стамбула передачи под его управление Сирии¹. В ходе продолжавшейся в течение двух лет военной кампании он предпринял попытку установить контроль над стратегически важными провинциями (эялетами) Османской империи. Победа над войсками Порты и завоевание Сирии стали закономерными следствиями усиления власти Мухаммеда Али-паши в Египте и создания многочисленной регулярной армии по европейскому образцу на основе рекрутских наборов. Кроме того, походы в Аравию (1811–1818), Нубию и Судан (1820–1824) позволили египетским солдатам и офицерам получить важный боевой опыт, который также стал фактором, обеспечившим успех в этом конфликте. В то же время в 1831–1832 гг. Порта в военном отношении оказалась

¹ Исторический топоним «Сирия» (араб. «Билад аш-Шам») используется для обозначения географического пространства, примерно соответствующего территориям современных Сирийской Арабской Республики, Ливана, Иордании и Израиля, вместе взятым.

неспособна успешно противостоять мятежному египетскому наместнику. Реформа, имевшая целью модернизацию армии, после длительного 19-летнего перерыва была возобновлена в 1826 г. Ликвидация янычарского корпуса по решению Махмуда II устранила главное препятствие на пути военных преобразований, однако к 1831 г. они были еще далеки от завершения². Кроме того, вооруженные силы и государственные финансы Османской империи были в значительной степени ослаблены длительной неудачной борьбой с греческим восстанием и поражением в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Важно отметить, что за год до ее начала большая часть флота Мухаммада Али-паши была уничтожена в ходе Наваринского сражения, вследствие чего крупный контингент египетской армии, участвовавший в борьбе с повстанцами, был вынужден эвакуироваться из Греции. Правитель Египта рассматривал получение контроля над южным сирийским эялетом Сайда, граничившим с его владениями, в качестве достойной компенсации за понесенные потери. Мухаммад Али-паша также понимал, что следствием модернизации вооруженных сил Османской империи со временем станет активизация Портой усилий по централизации власти, что в перспективе угрожало ему потерей Аравии. Назначение на должность главнокомандующего (сераскира) новой османской регулярной армии Коджи Хюсрева Мехмед-паши³ (1769–1855) – давнего врага Мухаммада Али-паши, вынашивавшего планы по свержению последнего, – красноречиво говорило о намерении султана восстановить прямой контроль и над Египтом. В этих обстоятельствах Мухаммад Али-паша рассматривал вторжение в Сирию в 1831 г. как превентивный удар, необходимый для сохранения его власти, а возможно даже и жизни⁴. Однако после того, как, овладев Сирией, египетские войска продолжили наступление в Анатолии, создавая прямую угрозу османской столице, конфликт вышел на новый уровень в рамках Восточного вопроса. В этой ситуации Российская империя оказала прямую военную помощь своему вчерашнему противнику, направив в начале 1833 г. свой флот для защиты Стамбула от армии Мухаммада Али-паши.

Вопрос о влиянии конфликта между Высокой Портой и наместником Египта на российско-османские отношения в 1830-е годы представляет особую актуальность в контексте изучения отечественной внешней политики. Исследование данной проблематики позволяет сделать вывод о том, что Санкт-Петербург на данном историческом этапе придавал важное значение сохранению баланса сил в Восточном Средиземноморье. Следует отметить, что в отечественной научной литературе завоевание Сирии Мухаммадом Али-пашой и реакция России на события Первого египетского кризиса преимущественно рассматривались или в общих работах по истории Восточного вопроса, или в контексте деятельности российской дипломатии в Османской империи⁵. При этом данные исторические сюжеты не становились предметом отдельного изучения. Настоящее исследование, базирующееся на анализе широкого круга российских, египетских и сирийских источников, является попыткой восполнить этот пробел.

² Подробнее о модернизации османской армии в XIX в. см.: Суриков К.А. Самый долгий век османского оружия: трансформация технического обеспечения сухопутной армии Османской империи в ходе модернизации XIX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. № 11 (133). URL: <https://history.jes.su/s207987840028953-7-1/> (дата обращения: 05.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840028953-7

³ Мехмед-паша, Коджа Хюсрев (1769–1855) – османский военный и государственный деятель, активный сторонник реформы вооруженных сил и создания новой регулярной армии по европейскому образцу, великий визирь (садразам) Османской империи в 1839–1840 гг. Ненависть Мехмед-паши к Мухаммаду Али-паше объяснялась тем, что, будучи в 1802–1803 гг. наместником Египта, он вступил в конфликт с албанскими наемниками на османской службе, был смещен, а затем фактически стал пленником их командира Мухаммада Али.

⁴ Подробнее см.: Rustum A. The Royal Archives of Egypt and the Origins of the Egyptian Expedition to Syria, 1831–1841. Beirut, 1936. P. 49–51.

⁵ См.: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. / отв. ред. Н.С. Киняпина. М., 1978. С. 98–101; Кудрявцева Е.П. Российский посланник в Турции А.П. Бутенев // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 88–91. DOI: 10.31857/S013038640015140-2

Размышляя о событиях 1831–1832 гг., известный российский дипломат и востоковед Константин Михайлович Базили писал: «Наступила пора или привести в исполнение давно замысленные планы, от которых зависело будущее величие владетеля Египта и упрочение приобретенных им преимуществ, или ждать, чтобы уровень, наводимый султаном на всю империю, коснулся Египта с сирийской границы»⁶. Завоевание Сирии войсками Мухаммада Али-паши⁷ в 1831–1832 гг. имеет исторические параллели с более ранними военно-политическими конфликтами в этом регионе, когда консолидация власти в Египте способствовала последующей военной агрессии в отношении северного соседа. Это объяснялось как выгодным стратегическим положением Сирии, так и обилием в ней экономических ресурсов. В XVIII в. подобным примером стал мятеж правителя османского Египта Али-бея аль-Кабира⁸, в 1771 г. направившего свои войска для завоевания Сирии.

В первой трети XIX в. османское правительство обеспечивало контроль над сирийскими провинциями и безопасность в них, используя иррегулярные формирования наместников (вали). Для этой цели практически никогда не привлекались войска из столицы и балканских владений империи. Таким образом Высокая Порта поддерживала авторитет султанской власти в провинциях и не допускала формирования политических сил, способных угрожать османскому суверенитету. Наемные воинские контингенты вали были достаточно эффективны при отражении набегов бедуинов и обеспечении своевременного сбора податей, но не могли успешно противодействовать серьезной внешней угрозе. В октябре 1831 г. они не сумели остановить вторжение войск Мухаммада Али-паши в Сирию. Формальным предлогом для него послужил отказ наместника Сайды Абдалла-паши выдать бежавших в его провинцию из Египта феллахов, спасавшихся от рекрутских наборов⁹.

Вступив в Сирию, египетская армия практически без сопротивления овладела Газой, Яффой и Хайфой и в ноябре 1831 г. приступила к осаде хорошо укрепленной Акки, которую Абдалла-паша был твердо намерен оборонять. Сирийский наместник рассчитывал на военную помощь со стороны Высокой Порты. Кроме того, его вдохновлял исторический пример одного из предшественников – Ахмад-паши аль-Джаззара¹⁰, который в 1799 г. сумел отстоять Акку от наступавшей из Египта французской армии под командованием генерала Наполеона Бонапарта. Осада Акки войсками Ибрахим-паши продолжалась вплоть до мая 1832 г., когда Абдалла-паша, так и не получив помощи от османского правительства, был вынужден капитулировать¹¹. Примечательно, что на протяжении первых месяцев осады Акки султан Махмуд II и его правительство не предпринимали решительных действий для того, чтобы противостоять Мухаммаду Али-паше в его попытке завоевания Сирии, вероятно, надеясь, что он ограничится установлением контроля над южными районами Палестины. По сообщению чрезвычайного посла Российской империи в Константинополе Аполлинария Петровича Бутенева от 21 января 1832 г., для конфиденциальных переговоров

⁶ Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях / подг. текста и пред. И.М. Смилянской. М., 2007. С. 137.

Базили, Константин Михайлович (1809–1884) – российский дипломат и публицист греческого происхождения. С 1833 г. служил в Министерстве иностранных дел; в 1839–1844 гг. – консул, в 1844–1853 гг. – генеральный консул Российской империи в Бейруте.

⁷ Непосредственное командование египетскими войсками в ходе кампании 1831–1832 гг. осуществлял старший сын Али-паши Ибрахим-паша (ок. 1789–1848).

⁸ Аль-Кабир, Али-бей (1728–1773) – мамлюкский правитель (шейх аль-балад) Египта в 1757–1766 и 1767–1772 гг. В период Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. воспользовался трудным положением Османской империи, направив египетские войска для завоевания южной и центральной Сирии (взаимодействуя с местными союзниками). В 1772 г. в ходе военного мятежа был арестован и лишен власти.

⁹ Rustum A. Op. cit. P. 25–28.

¹⁰ Ахмад-паша аль-Джаззар (ок. 1730–1804) – османский военный и политический деятель боснийского происхождения, в 1760-е годы полководец Али-бея Аль-Кабира. За свою жестокость получил у современников прозвище «аль-Джаззар» («мясник»). Перейдя на османскую правительственную службу, в 1775 г. был назначен вали Сайды. Занимал этот пост до конца жизни.

¹¹ Hurub Ibrahim Basha al-Misri fi Suriya wa al-Anadul. Geliopolis, 1927. P. 14–19.

с Мухаммадом Али-пашой в Александрию были направлены несколько «комиссаров»¹² Высокой Порты, пытавшихся отговорить его от продолжения военных действий, однако переговоры не имели успеха из-за решительных намерений наместника Египта продолжать осаду Акки¹³. Лишь весной 1832 г., после провала переговоров, был издан султанский указ, объявлявший Мухаммада Али-пашу мятежником. Начались сборы османских правительственных войск, которые должны были направиться в Сирию через Малую Азию. Эта задержка во времени позволила Ибрахим-паше развить успех. 13 июня 1832 г. его войска заняли Дамаск, а затем, направляясь на север, нанесли решительные поражения противнику в сражениях при Хомсе (26 июня) и Бейлане (29 июля)¹⁴. В результате этих военных успехов Ибрахим-паша не только занял весь север Сирии, включая Халеб (Алеппо), но и продолжил наступление на территории Анатолии. В переписке с отцом в сентябре 1832 г. главнокомандующий египетской армией призывал Мухаммада Али-пашу к провозглашению независимости Египта и основанию собственной династии¹⁵. Однако последний не решался на столь радикальный шаг, опасаясь как возможного вмешательства европейских держав, так и недовольства со стороны подвластного мусульманского населения (в представлении большинства подданных султана его власть носила сакральный характер и являлась единственной законной и безальтернативной). Конфиденциальная переписка Ибрахим-паши и Мухаммада Али-паши свидетельствует о недоверии командования египетской армии к мусульманскому населению в Дамаске, Иерусалиме, Наблусе и других городах Сирии и Палестины¹⁶. И хотя Ибрахим-паша по требованию отца настаивал на том, чтобы имя султана Махмуда II, как и прежде, упоминалось в пятничной проповеди в сирийских мечетях¹⁷, местные жители воспринимали египетскую оккупацию как незаконные действия мятежного наместника против Порты и с тревогой ждали дальнейшего развития событий.

Мятеж Мухаммада Али-паши и его военные успехи в Сирии обратили на себя пристальное внимание европейских держав после падения Акки в мае 1832 г. По словам генерала Николая Николаевича Муравьева¹⁸, летом 1832 г. в Санкт-Петербурге «укрепилась уверенность в том, что России нельзя было оставаться равнодушною зрительницею и ни в каком случае не следовало допускать восстания подданного против своего властелина»¹⁹. Император Николай I выразил свое неудовольствие действиями Мухаммада Али-паши в Сирии. Из Александрии был отозван российский консул Проспер Жозеф Лавизон²⁰. Кроме того, всем подданным Российской империи было предписано покинуть Египет, а судам под российским флагом запрещалось перевозить продовольствие, оружие и другие грузы для снабжения войск Мухаммада Али-паши. Лавизон покинул Александрию 20 августа 1832 г.²¹ Эти дипломатические действия, направленные против египетского наместника, убедили

¹² А.П. Бутенев не указал в своем донесении имена османских «комиссаров». К.М. Базили упоминает одного из них (Насиф-эфенди). См.: *Базили К.М.* Указ. соч. С. 145.

¹³ Три донесения А.П. Бутенева графу Нессельроде по Египетскому делу 1832 и 1833 гг. // Русский архив. 1883. Вып. I. С. 67–72.

Бутенев, Аполлинарий Петрович (1787–1866) – российский дипломат, в 1830–1843 гг. чрезвычайный посол и полномочный министр в Константинополе. Странник активного противодействия британской и французской политике в Османской империи. Подробнее о нем см.: *Кудрявцева Е.П.* Указ. соч. С. 83–93.

¹⁴ *Базили. К.М.* Указ. соч. С. 154–155.

¹⁵ *Rustum A.* Op. cit. P. 52–53.

¹⁶ *Ibid.* P. 45.

¹⁷ *Ibid.* P. 61.

¹⁸ *Муравьев-Карский, Николай Николаевич* (1794–1866) – российский военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1853). В 1832–1833 гг. в чине генерал-лейтенанта находился с военно-дипломатической миссией в Константинополе. За взятие Карса в 1855 г. (во время Крымской войны) был удостоен приставки «Карский» к фамилии.

¹⁹ *Муравьев Н.Н.* Турция и Египет в 1832 и 1833 годах: в 4-х т. Т. II. М., 1869. С. 31.

²⁰ *Лавизон (Лависон), Проспер Жозеф* (ум. 1872) – российский дипломат французского происхождения, в 1831–1832 гг. генеральный консул Российской империи в Александрии.

²¹ *Муравьев Н.Н.* Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. Т. II. С. 31.

султана Махмуда II и Высокую Порту в том, что Санкт-Петербург и в дальнейшем будет оказывать поддержку Османской империи в борьбе с Мухаммадом Али-пашой. Примечательно, что Россия пошла на подобные шаги первой среди европейских великих держав. Николай I и его правительство осознавали, что усиление Мухаммада Али-паши представляло серьезную угрозу для российских интересов, так как могло привести к нарушению баланса сил как на Ближнем Востоке, так и в Европе. В своих записках Н.Н. Муравьев следующим образом оценивал ситуацию, сложившуюся летом 1832 г.: «Завоевание Турции Мехмед-Али-пашою... могло бы, с возведением нового лица на престол турецкий, возродить новые силы в сем упадающем царстве и отвлечь внимание и силы наши от дел Европы, а потому Государя особенно занимало удержание Султана на колеблющемся престоле его»²².

Мухаммад Али-паша осознавал ту опасность, которую для реализации его далеко идущих планов могло представлять вмешательство в конфликт европейских держав на стороне султана и Высокой Порты. В беседе с Лавизоном незадолго до отъезда последнего из Александрии он, сообщая об успехах своих войск в Сирии, делал вид, что не помышляет о свержении Османской династии. Египетский наместник высказывал надежду на то, что великие державы отнесутся с пониманием к его интересам²³. По сути, Мухаммад Али-паша повторял те тезисы, которые были высказаны им в июне 1832 г. в обращении к европейским консулам. Тогда он заявлял о том, что остается «скромным слугой» Османской империи, действует исключительно ради блага и славы Высокой Порты и не помышляет о независимости, а завоевание Сирии предпринято им лишь в целях укрепления государственной власти²⁴.

Парадоксальность данного высказывания во многом объясняется тем фактом, что египетский наместник являлся не менее твердым сторонником военно-административной модернизации Османской империи, чем его противники в окружении Махмуда II. Как отмечалось выше, основная цель сирийского похода заключалась в том, чтобы лишить их возможности отстранить Мухаммада Али-пашу от власти и управления его обширными владениями, включавшими к тому времени (помимо Египта) Судан, Аравию и остров Крит. В то же время установление контроля над Сирией открывало для египетского наместника возможности для продолжения наступления в Анатолии в направлении османской столицы. В случае разгрома османских войск Мухаммад Али-паша, располагавший многочисленной регулярной армией, мог если и не свергнуть Османскую династию, то как минимум подчинить султана и Высокую Порту своему прямому влиянию. Представляется очевидным, что в сложившейся к тому моменту геополитической ситуации Николай I предпочитал видеть в качестве южного соседа Российской империи ослабленную в ходе недавней Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Османскую империю, а не победоносную державу Мухаммада Али-паши. Завоевание сирийских провинций египетской армией стало для него своеобразной «красной чертой». Осенью 1832 г., после того как в Санкт-Петербурге стало известно о победах Ибрахим-паши при Хомсе и Бейлане и дальнейшем преследовании им османских войск на территории Анатолии, Николай I принял решение направить в Константинополь, а затем в Александрию, генерал-лейтенанта Н.Н. Муравьева с особым поручением. Фактически его миссия знаменовала собой подготовку к отправке на берега Босфора экспедиционного корпуса русских войск с целью защиты Константинополя.

Приезд Муравьева с личными заверениями в дружбе султану от имени Николая I был воспринят Махмудом II как предвестие скорого оказания военной помощи со стороны России. Султан и Высокая Порта всерьез рассчитывали на вмешательство в конфликт Санкт-Петербурга. В этом они видели выход из сложившейся ситуации, казавшейся безнадежной. Муравьев понимал задачи своей миссии в Константинополе следующим образом: оказать максимальное противодействие дальнейшей экспансии Мухаммада Али-паши,

²² Там же. Т. III. С. 2.

²³ Там же. Т. II. С. 32—33.

²⁴ Rustum A. Op. cit. P. 45.

способствовать сохранению власти султана Махмуда II, а также, по возможности, противостоять британской и французской дипломатии в борьбе за влияние на Порту²⁵.

По стечению обстоятельств Муравьев прибыл в Константинополь в тот самый день (9 декабря 1832 г.), когда Ибрахим-паша разгромил в генеральном сражении при Конье главные силы османской правительственной армии и взял в плен командовавшего ею садразама Решида Мехмед-пашу. Как отмечал К.М. Базили, «победа, одержанная Ибрахимом в сердце империи над самим главой правительства, доставшимся ему в плен, над войском, в котором и старая, и новая военная система Турции были выставлены во цвете регулярных и иррегулярных сил, глубоко поразила воображение племен малоазийских. Одно за другим приносили они свою покорность победителю»²⁶. В этой критической ситуации Муравьев стремился убедить султана и Высокую Порту в искренности намерений России защитить османскую столицу от наступления войск Ибрахим-паши. Как отмечалось выше, в рассматриваемый период османская регулярная армия все еще находилась в процессе модернизации, а ее боевой потенциал был значительно ослаблен поражением при Конье, что не позволяло рассчитывать на эффективную защиту Стамбула силами лишь турецких войск. 15 декабря 1832 г. Муравьев был удостоен аудиенции Махмуда II, в ходе которой он сообщил султану о том, что намерен отправиться в Александрию и лично передать Мухаммаду Али-паше послание Николая I, в котором содержалось предупреждение о вступлении России в конфликт с целью защиты Османской империи в случае, если египетские войска не прекратят наступление на Стамбул²⁷. 23 декабря 1832 г. Муравьев направился в Александрию с целью убедить Мухаммада Али-пашу немедленно остановить боевые действия и начать переговоры с Высокой Портой. Мятежный наместник Египта гостеприимно встретил посланника Николая I. В беседах с Муравьевым он подчеркивал свое доброжелательное отношение к сильной в военном отношении России и даже утверждал, что советовал султану не ввязываться с ней в войну в 1828 г.²⁸

Не лишне предположить, что переданное наместнику Египта предупреждение от имени российского императора вынудило Мухаммада Али-пашу отдать приказ Ибрахим-паше прекратить наступление от Коньи в сторону Босфора. Следует отметить, что продвижение египетских войск по территории Анатолии было остановлено еще до того, как Мухаммад Али-паша получил известия о прибытии по просьбе Махмуда II в начале февраля 1833 г. к берегам Босфора эскадры Черноморского флота и российского военного контингента, состоявшего из десантных полков 26-й пехотной дивизии. Почти одновременно с отъездом Муравьева в Александрию в Анатолию был направлен уполномоченный от Военного министерства Российской империи Гвардейского Генерального штаба полковник Александр Осипович Дюгамель²⁹. Этому способному военному разведчику и дипломату было поручено потребовать от Ибрахим-паши немедленного прекращения наступления. Кроме того, в Александрию для переговоров с Мухаммадом Али-пашой по поручению султана отправился главнокомандующий османским флотом Халиль Рифат-паша, доброжелательно относившийся к египетскому наместнику³⁰. Махмуд II и Высокая Порта были готовы передать под управление Мухаммада Али-паши эялет Сайда с целью заключения перемирия, но мятежный паша требовал признания его власти над всей Сирией.

²⁵ *Муравьев Н.Н.* Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. Т. II. С. 113.

²⁶ *Базили. К.М.* Указ. соч. С. 161.

²⁷ *Русские на Босфоре в 1833 году. Из записок Н.Н. Муравьева (Карсского).* М., 1869. С. 51–55.

²⁸ *Муравьев Н.Н.* Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. Т. I. С. 25.

²⁹ *Дюгамель, Александр Осипович* (1801–1880) – российский военный и дипломат, генеральный консул Российской империи в Александрии в 1833–1837 гг., полномочный министр в Персии в 1838–1841 гг., генерал от инфантерии (1861), сенатор (с 1851 г.), член Государственного совета (с 1866 г.).

³⁰ *Базили К.М.* Указ. соч. С. 162.

Рифат-паша, Дамад Гюрджю Халиль (ок. 1795–1856) – османский военный и государственный деятель грузинского происхождения, в 1829–1830 гг. посол в Российской империи, в 1830–1832 гг. занимал пост главнокомандующего османским флотом (капудан-и дерья).

В то время как генерал-лейтенант Муравьев направлялся в Александрию морским путем, полковник Дюгамель имел поручение не только встретиться в Конье с Ибрахим-пашой, но и проехать затем через Анатолию и Сирию в Египет «сухопутным путем», чтобы получить сведения о положении в регионе и о состоянии египетских вооруженных сил³¹. В Конье российскому посланнику был оказан доброжелательный прием. По окончании переговоров с главнокомандующим армии Мухаммада Али-паши, проходивших 5–6 января 1833 г., египетский сераскир убедился в решительных намерениях России оказать военную поддержку османскому правительству и снабдил Дюгамеля рекомендательными письмами к командирам гарнизонов в Анатолии, которые позволили бы ему беспрепятственно проехать в Сирию для продолжения миссии³². Однако полковнику не суждено было добраться до цели своей поездки: по дороге он тяжело заболел и был вынужден вернуться в Константинополь. Однако его дипломатическая миссия, как и миссия Муравьева, увенчалась успехом: обоим посланникам Николая I удалось убедить египетское командование в серьезности намерения России защитить Османскую империю.

Примечательно, что в конце декабря 1832 г. (т.е. еще до переговоров Муравьева с Мухаммадом Али-пашой и Дюгамеля с Ибрахим-пашой) египетский сераскир в переписке с отцом сообщал о твердом намерении продолжать наступление на практически беззащитную османскую столицу. Он даже заявлял о возможности свержения Махмуда II и воцарения на османский трон нового султана, который станет исполнителем воли Али-паши³³. Однако в дальнейшем тональность корреспонденции, направлявшейся Ибрахим-пашой в Египет, существенным образом меняется. 21 января 1833 г., ссылаясь на обстоятельства переговоров Муравьева и Рифат-паши с Мухаммадом Али-пашой, он советует отцу заключить с османскими властями прочный мир, условием которого могла бы стать фактическая независимость Египта и суверенитет его правителя во всех владениях, включая недавно завоеванные Сирию и Киликию. Кроме того, сераскир настоятельно рекомендовал включить в мирное соглашение пункт о передаче под власть египетского наместника острова Кипр, который до этого не являлся объектом притязаний Мухаммада Али-паши³⁴.

После прибытия эскадры Черноморского флота и русских десантных войск (в феврале и марте 1833 г., соответственно) для защиты османской столицы Муравьев принял временное командование ими (до приезда в османскую столицу чрезвычайного посланника Николая I генерал-адъютанта А.Ф. Орлова). Он передавал в Санкт-Петербург оперативную информацию о дислокации и состоянии войск Ибрахим-паши в Анатолии и Сирии³⁵. Российский посланник также оказывал помощь сераскиру Хюсреву Мехмед-паше при подготовке берегов Босфора к обороне. По мнению Муравьева, даже с теми небольшими военными силами, которые оставались в распоряжении Высокой Порты после поражения при Конье, сохранялась возможность организовать высадку десантов на побережье Сирии и поднять восстание местного населения против египетского владычества. В случае успеха операции коммуникации между войсками Ибрахим-паши в Анатолии и Египтом оказались бы перерезанными. Это создавало бы более благоприятные для османских властей условия на переговорах с Мухаммадом Али-пашой³⁶. В ходе подготовки плана операции Муравьев составил подробное географическое описание Сирии с указанием наиболее удобных маршрутов как для высадки десанта с моря, так и для сухопутного вторжения с территории Восточной Анатолии через Халеб и Антакью (Антиохию)³⁷. Согласно его оценкам, наиболее выгодным в военном отношении пунктом для начала боевых действий на сиро-ливанском

³¹ *Муравьев Н.Н.* Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. Т. III. С. 6.

³² Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля // Русский архив. 1885. Вып. 4. С. 500–503.

³³ *Rustum A.* Op. cit. P. 54–55.

³⁴ *Ibid.* P. 57–59.

³⁵ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 5303. Л. 42.

³⁶ *Муравьев Н.Н.* Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. Т. III. С. 55.

³⁷ Там же. Т. II. С. 81–83.

побережье являлся не Бейрут, а Тир, поскольку, используя этот город в качестве опорной базы, было удобнее развивать наступательные действия во внутренних районах страны, отрезая Дамаск от транспортного сообщения с Египтом³⁸.

Как свидетельствуют архивные источники, российское правительство было готово вступить в прямой военный конфликт с мятежным наместником Египта в 1833 г. в случае срыва переговоров между Высокой Портой и Мухаммадом Али-пашой и продолжения боевых действий. При этом предполагалось проведение операций не только на берегах Босфора или в Сирии. Так, в служебной записке, составленной, вероятно, в начале 1833 г., генерал-фельдмаршал Иван Федорович Паскевич рекомендовал занять ряд османских провинций и крепостей в Восточной Анатолии, в том числе Карс и Ардаган, чтобы создать угрозу коммуникациям армии Ибрахим-паши³⁹. Командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютант барон Григорий Владимирович Розен (1782—1841) в переписке с главой Военного министерства генералом от кавалерии графом Александром Ивановичем Чернышевым (1785—1857) предлагал в случае занятия Ибрахим-пашой Эрзерума немедленно двинуть русские войска в направлении Карса и Ардагана. При условии одобрения этого плана Николаем I сформированный Г.В. Розеном отряд, состоявший из солдат и офицеров Кавказского корпуса, весной 1833 г. был готов начать наступление против египетских войск на территории Анатолии⁴⁰. Таким образом, перспектива войны России против державы Мухаммада Али-паши зимой и весной 1833 г. представлялась вполне реальной. При этом российское командование при принятии решений должно было руководствоваться в большей степени оценкой военной обстановки на местах, чем ходом переговоров между Портой и мятежным египетским наместником. Судя по директивам, которые получали российские посланники из Санкт-Петербурга, эскадра и десантные войска, присланные на Босфор, оставались в полной боевой готовности до тех пор, пока Ибрахим-паша, согласно Кютахийскому мирному соглашению, не покинул Анатолию и не вернулся со своей армией в Сирию⁴¹. По условиям договоренностей, достигнутых между Мухаммадом Али-пашой и представителями Высокой Порты, 24 апреля (6 мая) 1833 г. султан своим фирманом подтвердил власть последнего над Египтом и Критом, а также передавал ему управление всеми сирийскими провинциями взамен изъявления покорности и уважения. Ибрахим-паша провозглашался наместником Хиджаза (на территории которого располагались священные города ислама — Мекка и Медина), а также внутренних областей Аравии и округа Адана на юго-востоке Анатолии⁴². При этом вопрос о предоставлении Мухаммаду Али-паше права выбора наследника в фирмане не рассматривался.

Важнейшим итогом вмешательства Санкт-Петербурга в конфликт между Портой и Мухаммадом Али-пашой стало подписание 26 июня 1833 г. Ункяр-Искелесийского договора⁴³, по условиям которого Российская империя обязалась в случае необходимости предоставлять Османской империи военную помощь. Секретная статья документа предусматривала закрытие пролива Дарданеллы для всех иностранных военных кораблей по первому требованию России. Однако и после завершения Босфорской экспедиции в середине июня 1833 г. в Санкт-Петербурге продолжали рассматривать возобновление военного конфликта между египетским наместником и султаном как реальный сценарий последующего развития событий. Завершение Первого египетского кризиса было лишь временной передышкой в противостоянии державы Мухаммада Али-паши и Высокой Порты. Осознавая

³⁸ Там же. С. 83.

³⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5305. Л. 4.

⁴⁰ Там же. Л. 1—15.

⁴¹ Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля. С. 503—506.

⁴² Де-факто территории, переданные под управление Ибрахим-паши, также входили в состав владений Мухаммада Али-паши.

⁴³ Ункяр-Искелесийский договор между Российской и Османской империями, заключенный сроком на восемь лет, получил название от местности Ункяр-Искелеси на азиатском берегу Босфора, где с февраля по июнь 1833 г. располагался лагерь русских войск.

это, российское правительство проявляло особое внимание к обстановке в Сирии и в середине — второй половине 1830-х годов. Николай I по достоинству оценил способности полковника Дюгамеля. Последний получил назначение на пост российского генерального консула в Александрии. В 1836 г. Дюгамель совершил поездку по Сирии, сделав весьма верную оценку политической ситуации в регионе: «Махмуд нетерпеливо грыз удила и никак не мог утешиться в потери Сирии и Аданского округа, которых лишился вследствие возмущения своего вассала. С другой стороны, Мехмет-Али не имел никакого ручательства на будущие времена: достаточно было какой-нибудь прихоти султана, чтобы отнять у него обратно все сделанные уступки»⁴⁴.

Следует отметить, что Российская империя стала проявлять интерес к Сирии задолго до Первого египетского кризиса. Контроль над этим регионом был важен с точки зрения доступа к Святым местам. В течение длительного периода времени связь с ними осуществлялась через православных паломников⁴⁵. В ходе Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. была предпринята попытка установить российское военное присутствие на сирийских берегах. Командование русского флота на Средиземном море наладило взаимодействие с мамлюкским правителем Египта Али-беем аль-Кабиром и его союзниками в Сирии и Ливане, а русский десантный отряд в конце 1773 г. овладел Бейрутом⁴⁶. Лишь завершение войны помешало России закрепиться в этом регионе. В дальнейшем Сирии уделялось особое внимание в контексте «Греческого проекта» Екатерины II и ее правительства⁴⁷. В 1831—1833 гг. Россия оказала военную поддержку османскому правительству в борьбе с мятежным египетским наместником, завоевание которым Сирии было воспринято в Санкт-Петербурге как нарушение баланса сил в Восточном Средиземноморье. Усиление державы Мухаммада Али-паши рассматривалось как потенциальная угроза безопасности самой России. Так, Сирия оказалась в центре внимания российской дипломатии и военной разведки уже в качестве возможного театра военных действий с целью защиты Османской империи.

Российское военно-дипломатическое вмешательство в конфликт между Портой и Мухаммадом Али-пашой разрушило планы мятежного египетского наместника и позволило османскому правительству сохранить политический престиж, а также получить крайне необходимое время для восстановления боевого потенциала вооруженных сил. По итогам двухлетней военной кампании Мухаммад Али-паша добился передачи под его управление Сирии и Киликии в обмен на изъявление покорности султану Махмуду II, однако не смог достичь другой важной цели — официального подтверждения права избрания преемника. Вследствие этого возобновление египетско-османского вооруженного конфликта в 1839 г. являлось во многом закономерным. Босфорская экспедиция и Ункяр-Искелесийский договор знаменовали собой пик российского влияния в Османской империи. Создавались предпосылки для долговременного военно-политического союза между двумя державами. Однако уже к концу 1830-х годов эти возможности были практически сведены на нет вследствие дипломатических действий Великобритании, Франции и Австрии, которые смогли добиться как от Санкт-Петербурга, так и от Стамбула согласия на коллективное участие великих европейских держав в защите Османской империи от притязаний со стороны Мухаммада Али-паши.

Библиография

Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля // Русский архив. 1885. Вып. 4. С. 489—525.
Базилл К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях / подг. текста и пред. И.М. Смилянкой. М., 2007.

⁴⁴ Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля. С. 515.

⁴⁵ См., например: Кириллина С.А. По государеву указу и по благословению патриарха: иеромонах Арсений на Ближнем Востоке // Исторический вестник. 2023. Т. 1. № 46 (191). С. 22—45.

⁴⁶ См. подробнее: Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / под общ. ред. Е.Б. Смилянкой. М., 2011. С. 333—413.

⁴⁷ См.: Кобищанов Т.Ю. «Греческий проект» Екатерины II и Сирия // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2017. № 2. С. 3—25.

Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. / отв. ред. Н.С. Киняпина. М., 1978.

Кириллина С.А. По государеву указу и по благословению патриарха: иеромонах Арсений на Ближнем Востоке // Исторический вестник. 2023. Т. 1. № 46 (191). С. 22–45.

Кобищанов Т.Ю. «Греческий проект» Екатерины II и Сирия // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2017. № 2. С. 3–25.

Кудрявцева Е.П. Российский посланник в Турции А.П. Бутенев // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 83–93. DOI: 10.31857/S013038640015140-2

Муравьев Н.Н. Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. Т. 1–4. М., 1869.

Русские на Босфоре в 1833 году. Из записок Н.Н. Муравьева (Карсского). М., 1869.

Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / под общ. ред. Е.Б. Смилянской. М., 2011.

Суриков К.А. Самый долгий век османского оружия: трансформация технического обеспечения сухопутной армии Османской империи в ходе модернизации XIX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. № 11 (133). URL: <https://history.jes.su/s207987840028953-7-1/> (дата обращения: 05.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840028953-7

Три донесения А.П. Бутенева графу Нессельроде по Египетскому делу 1832 и 1833 // Русский архив. 1883. Вып. 1. С. 64–76.

Hurub Ibrahim Basha al-Misri fi Suriya wa al-Anadul. Geliopolis, 1927.

Rustum A. The Royal Archives of Egypt and the Origins of the Egyptian Expedition to Syria, 1831–1841. Beirut, 1936.

References

Avtobiografiia Aleksandra Osipovicha Diugamelia [The Autobiography of Alexander Osipovich Dugamel] // Russkii arkhiv [Russian Archive]. 1885. Vyp. 4. S. 489–525. (In Russ.)

Bazili K.M. Siriia i Palestina pod turetskim pravitel'stvom v istoricheskom i politicheskom otnosheniakh [Syria and Palestine Under Turk Dominion in Historical and Political Relation] / podg. teksta i pred. I.M. Smilianskoi. Moskva, 2007. (In Russ.)

Kirillina S.A. Po gosudarevu ukazu i po blagosloveniiu patriarkha: ieromonakh Arsenii na Blizhnem Vostoke [By Order of the Tsar and with the Blessing of the Patriarch: Hieromonk Arseny in the Middle East] // Istoricheskii vestnik [Historical Reporter]. 2023. Т. 1. № 46 (191). С. 22–45. (In Russ.)

Kobishchanov T.Iu. «Grecheskii proekt» Ekateriny II i Siriia [The “Greek project” of Catherine II and Syria] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 13. Vostokovedenie [Bulletin of Moscow University. Series 13. Oriental Studies]. 2017. № 2. С. 3–25. (In Russ.)

Kudriavtseva E.P. Rossiiskii poslannik v Turtsii A.P. Butenev [The Russian Ambassador to Turkey A.P. Butenev] // Novaya i Novejsaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 5. С. 83–93. DOI: 10.31857/S013038640015140-2 (In Russ.)

Murav'ev N.N. Turtsiia i Egipet v 1832 i 1833 godakh [Turkey and Egypt in 1832 and 1833]. Т. 1–4. Moskva, 1869. (In Russ.)

Russkie na Bosfore v 1833 godu. Iz zapisok N.N. Murav'eva (Karsskogo) [The Russians On the Bosphorus in 1833. From the Notes of N.N. Muravyov (Karsskiy)]. Moskva, 1869. (In Russ.)

Smilianskaia I.M., Velizhev M.B., Smilyanskaya E.B. Rossiia v Sredizemnomor'e. Arkhipelagskaia ekspeditsiia Ekateriny Velikoi [Russia in the Mediterranean. The Archipelago' Expedition of Catherine the Great] / pod obshch. red. E.B. Smilianskoi. Moskva, 2011. (In Russ.)

Surikov K.A. Samyi dolgii vek osmanskogo oruzhiia: transformatsiia tekhnicheskogo obespecheniia sukhoputnoi armii Osmanskoi imperii v khode modernizatsii XIX v. [The Long Century of the Ottoman Weapons: Transformation of the Equipment of the Ottoman Ground Forces during the Modernization of the 19th c.] // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya» [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2023. № 11 (133). URL: <https://history.jes.su/s207987840028953-7-1/> (access date: 05.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840028953-7 (In Russ.)

Tri doneseniia A.P. Buteneva grafu Nessel'rode po Egipetskomu delu 1832 i 1833 [Three reports by A.P. Butenev to Count Nesselrode on the Egyptian case in 1832 and 1833] // Russkii arkhiv [Russian Archive]. 1883. Vyp. 1. С. 64–76. (In Russ.)

Vostochnyi vopros vo vneshnei politike Rossii. Konets XVIII — nachalo XX v. [The Eastern Question in Russia's Foreign Policy. The End of the 18th — the Beginning of the 20th c.] / отв. ред. Н.С. Киняпина. Moskva, 1978. (In Russ.)

Hurub Ibrahim Basha al-Misri fi Suriya wa al-Anadul. Geliopolis, 1927.

Rustum A. The Royal Archives of Egypt and the Origins of the Egyptian Expedition to Syria, 1831–1841. Beirut, 1936.